

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С.А. СВИРКОВ*

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ

Ключевые слова. Объекты права собственности, право собственности на электроэнергию, правовые инструменты организации оборота электроэнергии, электроэнергия как динамический объект гражданского права.

Применение модели оборота электроэнергии, основанной на ее купле-продаже, автоматически подразумевает установление права собственности на данный объект прав. Такой вывод с необходимостью следует из конструкций новых договоров в электроэнергетике, а также из содержания норм законодательства об электроэнергетике.

В германской системе права договор купли-продажи подразумевает совершение вещной сделки, тем самым акт передачи права собственности несколько отделяется от обязательственного правоотношения, что порождает определенные правовые последствия¹.

Конструкция договора купли-продажи по ГК РФ (п. 1 ст. 454 ГК) не предусматривает самостоятельной вещной сделки. Однако представляется вполне обоснованным говорить о «вещном эффекте купли-продажи»², поскольку данный договор предусматривает переход права собственности на реализуемый товар от продавца к покупателю³.

© Свирков С.А., 2012.

* Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и семейного права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. [svirkov-sa@yandex.ru]

¹ См.: *Василевская Л.Ю.* Учение о вещных сделках по германскому праву. М.: Статут, 2004. С. 16, 47.

² См. подробнее: *Слыщенков В.А.* Договор купли-продажи и переход права собственности: сравнительно-правовое исследование. М.: Статут, 2011. С. 10.

³ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 415.

Структура договора купли-продажи всегда вызывала много споров. Достаточно сказать, что сам договор возник как некое юридическое объединение двух моментов: по передаче имущества и передаче правового титула на него⁴. Вещно-правовой и обязательственно-правовой эффекты традиционно противоборствовали в конструкции данного договора на протяжении долгого времени его эволюции в российском законодательстве⁵. За рубежом также выделяется как минимум несколько подходов к пониманию его сущности, в зависимости от того, какой момент мы ставим во главу угла: вещный или обязательственный⁶. Можно попутно отметить, что в цивилистике обсуждается сама возможность перехода права собственности на товар. Так, В.П. Грибанов полагал, что право собственности не переходит, а прекращается для продавца и возникает для покупателя⁷. Поскольку речь идет о вещной сделке, она не предполагает в своем содержании длящегося отношения.

Вместе с тем следует отметить, что конструкция договора энергоснабжения (ст. 539 ГК) не предусматривает передачи права собственности на отчуждаемое имущество. Вопрос о передаче права собственности на энергоресурс, моменте возникновения права собственности на него нормами § 6 гл. 30 ГК не затрагивается, исходя из чего можно считать, что права собственности на энергоресурс вообще не возникает. Данное обстоятельство в полной мере согласуется с положением п. 5 ст. 454 ГК, согласно которому к отдельным видам договора купли-продажи положения, предусмотренные § 1 гл. 30 ГК, применяются, если иное не предусмотрено специальными правилами ГК об этих видах договоров.

Однако ситуация изменилась с принятием нового законодательства об электроэнергетике, согласно которому электроэнергия (равно как и мощность) рассматривается как самостоятельный или «особый» товар, реализуемый по договору купли-продажи, в отношении которого у потребителя возникает право собственности (ст. 3 ФЗ «Об электроэнергетике», Основные положения функционирования розничных рынков электрической энергии⁸).

Вслед за изменившимся законодательством последовало направление мысли целого ряда исследователей, приписывающих электроэнергии вещ-

⁴ См.: Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. Учебник для вузов. Лекции. М.: Зерцало, 2000. С. 179.

⁵ См.: Слыщевков В.А. Указ.соч. С. 59–72.

⁶ См., напр.: Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. III. Особенная часть. М.,Л.: ГСЭИ, 1931. С. 82–83.

⁷ См.: Грибанов В.П. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 387.

⁸ Утв. постановлением Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 530 // Собрание законодательства РФ. 11.09.2006. № 37. Ст. 3876. (Далее – ОПФРР.)

ную природу и распространяющих на нее право собственности. Список таких авторов достаточно широк⁹.

Как было отмечено выше, правовой режим объекта прав определяется совокупностью норм законодательства, регулирующей особенности его оборота. Таким образом, представляется важным вопрос о целесообразности распространения норм о договоре купли-продажи и о праве собственности к отношениям в сфере оборота электроэнергии. В конечном счете следует учитывать, что право собственности является (равно как и различные договорные конструкции и др. правовые категории) одним из правовых инструментов, применение которого всегда должно быть направлено на решение каких-либо прагматических задач. Таким образом, предстоит определить, каковы эти задачи, а также насколько оптимален данный инструмент для их решения.

Институт права собственности предполагает возникновение абсолютного правоотношения по поводу соответствующего объекта¹⁰. Особенности данного института заключаются в существовании определенного круга объектов данного права, структуре соответствующего правоотношения, а также способах защиты данного права. Данные особенности являются сугубо специфическими, свойственными именно для определенного типа прав – вещных. В основе их выделения лежит концептуальное разграничение вещных и обязательственных прав, имманентно присущее континентальной системе права. Таким образом, право собственности подразумевает свой собственный правовой инструментарий, который выделяется в виде дихотомии с обязательственно-правовыми юридическими средствами.

Таким образом, необходимо решить вопрос: применим ли правовой инструментарий абсолютных правоотношений к отношениям, возникающим в обороте электроэнергии? Иными словами, возможно ли вообще установление вещного права в отношении такого объекта, как электроэнергия?

Электронергия и объекты права собственности. Доктриной выделяются различные признаки (критерии), которым должны соответствовать объекты для создания возможности распространения на них абсолютного права.

⁹ См., напр.: *Корнеев С.М.* Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. 1995. № 7. С. 118; *Плешаков Н.В.* Проблемы правового регулирования договорных отношений на оптовом рынке электрической энергии. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2005. С. 136, 167–168; *Матияцук С.В.* Правовое регулирование договорных отношений в сфере электро- и теплоснабжения. М.: ИНФРА-М, 2011; *Крассов Е.О.* Система договорных связей в сфере организации снабжения электрической энергией. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2009; *Гражданское право. Учебник. В 3 т. Т. 2 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой.* М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2004. С.90.

¹⁰ См.: *Райхер В.К.* Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 7. С. 144–204.

Принципиально важной предпосылкой установления права собственности на объект является возможность его индивидуализации, выделения в числе иных однородных объектов. Объект права собственности традиционно понимается как индивидуально-определенная вещь (товар)¹¹, что является проявлением вещно-правового «принципа специализации» (Spezialititsgrundsatz), называемого иногда также «принципом определенности» (Bestimmtheitsgrundsatz).

При этом применительно к электроэнергии требование об индивидуализации видится объективно невыполнимым; также электроэнергия не может определяться родовыми признаками¹². Так, Манфред Венкштерн пишет: «Тепло, звук, свет, электричество и другие виды энергии, независимо от их физических свойств, не рассматриваются в ряду традиционных, физически осязаемых предметов и потому не регламентируются нормами вещного права. Аналогичное толкование применяется к благам общего пользования – воздуху и воде: до тех пор, пока они пространственно не обособлены, они не принадлежат к категории вещей в понимании вещного права»¹³.

Очевидно, что электроэнергия лишена такого важного признака объектов права собственности, как телесность¹⁴. В отличие от традиционных, телесных товаров, у электроэнергии отсутствует натуральная форма товара и меновая стоимость. Идеальный характер электроэнергии, как особого рода имущества, предопределяет качественно иные характеристики, чем те, которые присущи товарному имуществу.

Также следует отметить, что в отношении электроэнергии невозможно применение способов обеспечения исполнения обязательств, применяемых к отношениям, в которых присутствует вещный субстрат, таких как залог, удержание и т.д.

В связи с этим весьма уместно привести рассуждение Э. Кассирера о природе энергии: «Энергия не есть вещественное нечто наряду с уже известными физическими содержаниями, как свет и теплота, электричество и магнетизм. Она означает лишь объективно законченную корреляцию, в которой стоят друг к другу все эти содержания. Её настоящий смысл и функция заключается в уравнениях, которые с помощью её можно установить между различными группами процессов»¹⁵.

¹¹ См.: Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юрид. лит., 1991. С. 27.

¹² См.: Гражданское право: учебник / под ред. А.Г. Калпина. Ч. 2. М., 2000. С. 56; Осипчук Е.Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 22.

¹³ См.: Венкштерн М. Основы вещного права // Проблемы гражданского и предпринимательского права Германии / пер. с нем. М.: БЕК, 2001. С. 164.

¹⁴ См.: Васильев Г.С. Движимые вещи // Объекты гражданского оборота: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. С. 280.

¹⁵ См.: Кассирер Э. Познание и действительность. СПб., 1912. С. 251.

Также весьма необходимо обратить внимание на такую особенность абсолютного права, как бессрочность его действия¹⁶. Не вполне ясно, как оно может распространяться в отношении объекта, который вообще не существует во времени и пространстве.

В связи с этим видится не вполне обоснованным взгляд А.Н. Лысенко на эту проблему, когда он указывает, что «признак присвоенности энергии выражен совершенно особым образом – через принадлежность определенным субъектам источников или средств передачи соответствующего вида энергии»¹⁷. В случае с электроэнергией признак присвоенности вообще не может иметь место, поскольку электроэнергия существует исключительно как идеальный объект. Право собственности на средства передачи электроэнергии (электросети), напротив, по действующему законодательству не порождает каких-либо прав на передаваемую с их помощью электроэнергию.

Электричество позволяет субъекту в полной мере реализовать принадлежащие ему правомочия собственника в отношении принадлежащих ему объектов материального мира (электроприборов), однако сама не может выступать в качестве объекта права собственности. Электричество не существует в материальном мире дискретно от источника электричества (или энергоресурса). При этом сферой ее существования в силу указанной особенности невозможности дискретного существования становятся различные предметы материального мира: энергопередающее оборудование и электроприборы. Однако сама по себе электричество не соответствует основным признакам объекта абсолютного права.

При оценке правовой природы электричества большой интерес вызывает Временный порядок реализации арестованной электрической энергии организаций-должников – субъектов федерального (общероссийского) оптового рынка электрической энергии (мощности), утвержденный совместным приказом ФЭК РФ № 52 и Федерального долгового центра при Правительстве РФ № 101 от 04.09.2000¹⁸. Данный документ примечателен тем, что устанавливал возможность применения к электричеству в рамках существовавшего на тот момент ФОРЭМ правовых инструментов, традиционно применяемых в отношении вещного имущества, таких как арест имущества в обороте и его реализация. По сути, данный документ представляет собой яркую иллюстрацию указанной тенденции по приписанию электричеству товарной природы, при этом он никаким образом не раскрывает и не доказывает вещную природу электричества, а лишь предусматривает возмож-

¹⁶ См.: Гражданское право: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Ч. I. М.: Проспект, 1996. С. 286.

¹⁷ См.: *Лысенко А.Н.* Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010.

¹⁸ Информационный бюллетень ФЭК РФ. № 17. 11.09.2000.

ность (весьма сомнительную) распространения на оборот электроэнергии указанных инструментов по аналогии.

При этом бесосновательность подобной аналогии обнаруживается в противоречивом содержании самого рассматриваемого документа. Так, пункт 1 Временного порядка устанавливает основные условия реализации *арестованной электрической энергии как готовой продукции (!!!)* организаций – производителей электрической энергии. При этом в п. 5 данного документа указывалось, что реализация арестованной электрической энергии, произведенной соответствующими организациями-должниками, допускается *в пределах объемов выработки электрической энергии, предусмотренных в отношении данной организации плановыми балансами производства и поставок электрической энергии*. Из чего с очевидностью следует принципиальная невозможность рассмотрения электроэнергии в качестве «готовой продукции».

Электроэнергия и абсолютное правоотношение. По справедливому указанию Е.А. Суханова, «вещные права оформляют и закрепляют принадлежность вещей (материальных, телесных объектов имущественного оборота) субъектам гражданских правоотношений, иначе говоря, статику имущественных отношений»¹⁹. В связи с чем возникает логичный вопрос: в чем же эта статика имущественных отношений в сфере оборота электроэнергии, если (1) электроэнергия не может быть складирована, накапливаться в существенных количествах; (2) весь объем производимой электроэнергии мгновенно потребляется. Не говоря уже о том, что индивидуализация электроэнергии невозможна и лишена какого-либо смысла. Из всего этого следует, что в обороте электроэнергии имущественная статика отсутствует в принципе. Ее просто не может быть, поскольку в случае с электроэнергией статическое обладание в принципе невозможно, более того, бессмысленно.

При этом сам институт вещных прав не рассчитан на применение в рамках данных отношений. Как указывает К.И. Скловский, сущность собственности – проявление в ней лица²⁰. Очевидно, что в случае с электроэнергией такое понимание собственности отсутствует. В данном случае может идти речь лишь о юридико-техническом приеме фикции: признание нового объекта прав (электроэнергии) объектом права собственности для достижения определенных целей (построения определенной модели оборота электроэнергии и т.д.).

В подтверждение высказанных соображений рассмотрим, как выглядят традиционно выделяемые правомочия собственника применительно к электроэнергии.

¹⁹ См.: Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М.: Юрист, 1999. С. 308.

²⁰ См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Статут, 2010. С. 156.

Владение. Имеющий в силу исторических причин достаточно проблемное понимание институт владения может описываться через две основные стадии. Во-первых, это фактическое владение²¹, как некий архитип, прообраз права собственности. А также владение, основанное на праве, составляющее одно из правомочий собственника – право владения²². Традиционное представление об институте владения подразумевает некоторую материальную составляющую при его осуществлении, «основу материальности всякого владения»²³. Из этого следует необходимость наличия у объекта владения определенных пространственно-временных параметров. Только при этом условии возможно владение в собственном смысле слова. В связи с этим в отношении электроэнергии владение невозможно в принципе, поскольку электроэнергия не существует в пространстве и времени.

По замечанию И.М. Тютрюмова, объектом права собственности могут признаваться лишь материальные предметы – вещи. Такие невещественные блага, как, например, электрическая энергия, не могут относиться к объектам права собственности, поскольку владение, являющееся одним из существенных правомочий права собственности, едва ли возможно по отношению к электроэнергии²⁴. Показательно также, что ни о какой самостоятельной защите владения (*iuspossidendi*) в случае с электроэнергией в принципе не может идти речи.

Что касается установления владения в отношении иных нематериальных объектов (например, прав требования), то этот вопрос был решен еще в дореволюционной доктрине. Так, у К.П. Победоносцева и В.И. Синайского находим указания о возможности установления владения в отношении подобных объектов, однако подобное владение «не есть титул права собственности», то есть воспринимается ими не как право, а как принадлежность (состояние принадлежности) данных прав определенному лицу²⁵.

Пользование электроэнергией в вещном смысле невозможно. Традиционно пользование понимается как извлечение полезных свойств вещи²⁶. При этом собственно из электроэнергии никакие полезные свойства не извлекаются. Значение имеют лишь полезные свойства энергоустановок, которые

²¹ См.: *Германов А.В.* От пользования к владению и вещному праву. М.: Статут, 2009.

²² См. подробнее: *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. М., Л.: Изд. Академии наук СССР, 1948. С. 14–15.

²³ См.: *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. С. 540; *Дождев Д.В.* Римское частное право: учебник. М.: 1996. С. 326; *Мейер Д.И.* Русское гражданское право (в 2 ч.). М.: Статут, 2003. С. 340.

²⁴ См.: *Тютрюмов И.М.* Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 132.

²⁵ См.: *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 235.

²⁶ См.: *Суханов Е.А.* Лекции о праве собственности. С. 20.

посредством воздействия на них электроэнергии приводятся в работоспособное состояние. В свою очередь, это создает возможность извлечения полезных свойств самих энергоустановок. Тогда как электроэнергия «используется» всегда только одним способом – приведение данных энергоустановок в рабочее эксплуатационное состояние.

Вместе с тем понятие пользования находит достаточно широкую трактовку в гражданско-правовой доктрине. Так, к примеру, еще Д.И. Мейер писал о данном правомочии, что «все равно, сама ли вещь непосредственно служит для удовлетворения потребностей, или она дает произведения, которые служат для этой цели, употребление вещи будет осуществлением права пользования»²⁷. Очевидно, что данное правомочие является достаточно широким и имеющим многообразные проявления, в связи с чем возможность его реализации не позволяет индивидуализировать характер прав лица, которому оно принадлежит в отношении определенного объекта. Так, в частности, им наделяется арендатор имущества по договору аренды, однако его право не может быть охарактеризовано как вещное²⁸.

Распоряжение. Возможно только распоряжение правом на электроэнергию, но не самой электроэнергией в физическом смысле. Это обусловлено прежде всего причинами технологического плана. Определять юридическую судьбу электроэнергии можно только путем применения опосредующих правовых инструментов, которые должны быть в наибольшей мере адекватны существу данного объекта и характеру складывающихся по поводу него отношений. Так, электроэнергию невозможно перепродать после ее приобретения в физическом понимании. Речь может идти лишь об уступке прав на электроэнергию по соответствующему договору и только лишь до момента фактического потребления соответствующего объема электроэнергии управомоченным лицом (перепродавцом).

Также следует отметить, что существование отдельных прав на электроэнергию, аналогичным правомочиям собственника, никак не могут свидетельствовать о возможности установления права собственности в отношении электроэнергии. Так, согласно ст. 1229 ГК исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации предоставляет правообладателю право использовать такой результат или такое средство, а также распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации. При этом совершенно очевидно, что подобные правомочия не позволяют соотносить содержание исключительного права с правом собственности (ст. 1227 ГК).

²⁷ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право. С. 342.

²⁸ См.: Брагинский М.М., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2001. С. 438–440.

Данные выводы находят отражение в судебной практике. Так, в одном из дел суд подчеркнул специфику электроэнергии как товара, которая состоит в «отсутствии фактического владения определенным количеством электроэнергии». Суд также указал на невозможность обособления данного товара «от иного товара, определенного теми же родовыми признаками», и пришел к выводу «о невозможности определить реального собственника конкретного количества электроэнергии, потребленного конечным потребителем, применительно к ст. 209 ГК»²⁹.

В учении о праве собственности принципиальное значение имеет вопрос *о моменте возникновения права собственности* на товар³⁰.

При этом совершенно не понятно, как можно передать право собственности на товар, если его у продавца нет и даже не появится на момент продажи, поскольку приобретатель сразу потребит соответствующий объем электроэнергии в момент её производства. В то же время согласно ст. 454 ГК продавец обязуется передать товар в собственность, из чего с необходимостью следует, что он сам должен быть собственником данного товара, либо же иметь необходимые полномочия на его реализацию³¹. Таким образом, подобная модель не выдерживает критики даже с сугубо нормативистских позиций, то есть при последовательном применении норм о праве собственности и договоре купли-продажи к отношениям по энергоснабжению.

Можно предположить, что реализация электроэнергии осуществляется по модели продажи вещи, которая будет создана в будущем (п. 2 ст. 455 ГК). Однако проблема в том, что даже в случае продажи электроэнергии как будущей вещи, такая вещь в будущем все равно не возникнет, поскольку электроэнергия в силу технологических причин не имеет пространственно-временного существования, не существует как объект материального мира и может проявляться в нем лишь как процесс (энергоснабжение). В связи с чем подобное обязательство (о передаче будущей вещи) в любом случае не будет исполнено.

При применении конструкции договора купли-продажи потребитель вместе с электроэнергией приобретает также право собственности на электроэнергию. В связи с чем возникает риторический вопрос: что в таком случае происходит с этим правом собственности на использованную электроэнергию, которая в силу естественно-научного закона сохранения энергии в принципе не может быть уничтожена в результате ее потребления?

С нормативистской точки зрения возможность продажи электроэнергии по договору купли-продажи предполагает, что сначала она принадлежит ее

²⁹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 04.07.2011 по делу № А19-14571/10 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ См.: *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. С. 306.

³¹ См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. С. 20.

производителю, потом перепродавцу, потом потребителю. Однако подобный подход полностью оторван от специфики электроэнергии как объекта прав, притом не только технологической, но и юридической, поскольку данная специфика непосредственным образом влияет на особенности её оборота и правового оформления этого оборота. Даже с практических позиций право собственности на электроэнергию в принципе лишено смысла, поскольку кауза договора энергоснабжения не включает в себя передачу права собственности на реализуемый «товар».

Еще одним спорным моментом в связи с реализацией электроэнергии по модели договора купли-продажи является проблема фактической передачи товара (ст. 224 ГК). Так, А.Н. Лысенко отмечает, что «момент «перехода» энергии в сеть абонента фиксируется приборами учета, которые, как правило, устанавливаются на границе его сети и сети энергоснабжающей организации. ... Иначе «зафиксировать» акт передачи просто невозможно, поскольку электрический ток – это направленное движение заряженных частиц, которое осуществляется в электрической цепи от одного полюса источника тока к другому. Источник тока всегда принадлежит энергоснабжающей организации, а потребитель не получает в свое распоряжение даже заряженных частиц – они возвращаются к источнику тока»³².

Видно, что А.Н. Лысенко вплотную подходит к несовместимости конструкции права собственности с отношениями по энергоснабжению, однако не делает окончательного шага. Вместе с тем совершенно очевидно, что никакой фактической передачи электроэнергии как товара просто не происходит. Во всех случаях подобной квалификации очевидна попытка искусственно «подогнать» под имеющиеся конструкции, либо же приспособить их под нужды оборота. Процессы производства, приобретения и потребления в отношении электроэнергии сливаются во времени и фактически являются технологически неразделимым процессом. Этим обусловлена такая особенность отношений в электроэнергетике, как невозможность полного контроля процесса потребления электроэнергии³³. В данном технологическом процессе право собственности на определенный объект теряется, а смысл его утрачивается. В связи с этим указывается на то, что «обязательство как бы «проглатывает» вещь»³⁴. По мнению О.С. Иоффе, «в самом процессе потребления как бы растворяется переход имущества в собственность... потребителя»³⁵.

³² См.: *Лысенко А.Н.* Имущество в гражданском праве России.

³³ См.: *Стофт С.* Экономика энергосистем. Введение в проектирование рынков электроэнергии: пер. с англ. М.: Мир, 2006. С. 42.

³⁴ См.: *Скловский К.И.* Указ.соч. С. 77.

³⁵ См.: *Иоффе О.С.* Обязательственное право // Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 т. Т. III. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 297.

Экономические операции с электроэнергией, а также оформляющие их гражданско-правовые сделки не имеют прямой привязки к технологическим процессам электроснабжения. А правовое регулирование, следуя за экономикой и обслуживая ее нужды, фактически вынуждено прибегнуть к созданию товарной фикции электроэнергии в целях распространения на нее права собственности. Таким образом, ***правовая трактовка электроэнергии в действующем законодательстве является по своей природе фиктивной.***

Вместе с тем следует признать, что подобный прием должен применяться законодателем лишь в тех случаях, когда соответствующие цели не могут быть достигнуты иным путем³⁶. Данную мысль можно сформулировать в виде принципа ограничительного применения фикций: они должны применяться лишь в тех случаях, когда обойтись без них совершенно невозможно. Если же такая возможность есть, но фикция тем не менее устанавливается, то возникает ненужное удвоение объектов, которое отрывает право от действительности, не позволяет ему выполнять возлагаемые на него функции. Искусственное удвоение объектов свидетельствует о том, что правовое регулирование имеет ангажированный характер, намеренно отрывается от действительности в угоду каким-то тенденциозным интересам. В рамках идеальной модели, которую представляет собой право, регулируемые им явления должны соответствовать сами себе. Их правовое отражение не должно искажать их сути. В философии данный принцип давно известен под наименованием «бритвы Оккама», согласно которому не следует привлекать (создавать) новые сущности без самой крайней на то необходимости.

Исходя из того, что право собственности на электроэнергию оказывается невозможным в силу формальной несовместимости концепции электроэнергии с представлением о возможных объектах вещного права напрашивается вывод о том, что участников отношений по энергоснабжению интересует ***не само право собственности на электроэнергию, а некоторые правовые последствия его установления.***

Признание электроэнергии товаром в действующем законодательстве преследует достижение конкретных целей, в числе которых можно назвать следующие:

1. Товарная характеристика электроэнергии презюмирует оборотоспособность данного объекта прав в форме товара.

2. Признание товарной природы электроэнергии позволяет говорить о ней фактически как о некоей нематериальной вещи и обуславливает возможность распространения на нее вещного права собственности. Последнее обстоятельство выражается, в свою очередь, с целым рядом моментов, как-то: особенности защиты прав участников соответствующих правоотношений,

³⁶ Схожая мысль уже была высказана в юридической литературе. См.: *Джазоян Е.А.* Категория фикции в гражданском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2006. С. 8.

возникающих в обороте электроэнергии, а также особенности ответственности продавца за реализуемый «продукт».

3. Товарная характеристика предопределяет экономическую модель оборота электроэнергии, основанную на обращении электроэнергии как самостоятельного (дискретного) экономического блага. При этом в основе договорных конструкций, применяемых при обороте электроэнергии, заложена модель договора купли-продажи (§ 1 гл. 30 ГК).

Основные предпосылки подобного подхода заключаются в следующем. Во-первых, это экономическая целесообразность, поскольку подобный подход обеспечивает возможность создания оборота электроэнергии. Другой причиной послужило то, что в правовой доктрине на сегодня фактически отсутствуют четкие предложения по созданию возможной альтернативы нынешней товарно-фикционной квалификации электроэнергии и организации ее оборота. В-третьих, действующая модель позволяет применять некоторые вещно-правовые инструменты для решения утилитарных проблем оборота электроэнергии.

Вместе с тем право собственности, будучи одним из центральных институтов гражданского права, является целостным и не может механистически сводиться к совокупности правомочий собственника³⁷. Вслед за К.П. Победоносцевым³⁸, К.И. Скловским³⁹ следует отметить, что право собственности должно рассматриваться как исключительное, абсолютное и наиболее полное по объему вещное право. Оно не предполагает лишь частичного (выборочного) использования правовых механизмов, имманентно присущих вещно-правовой модели отношений, в целях решения определенных утилитарных экономических проблем и должно порождать для собственника всю полноту правомочий, связанных с этим правом.

Достижение указанных целей посредством придания электроэнергии товарной формы в действующем законодательстве имеет и иные, скорее негативные последствия, которые неизбежно возникают при распространении на электроэнергию права собственности, как исключительного, наиболее полного вещного права. В числе таких последствий следует отметить следующие:

- практически полное отсутствие учета специфики отношений собственности и энергоснабжения;
- подмена каузы договора. Перенос основного центра тяжести с деятельности энергоснабжающей организации по снабжению на передачу права собственности на такой объект, по существу, искажает содержание правоотношения по энергоснабжению;

³⁷ См., напр.: *Братусь С.Н.* Право собственности в СССР: сб. статей / под ред. Ю.К. Толстого, В.Ф. Яковлева, М.: 1989. С. 58; *Венедиктов А.В.* Указ. соч. С. 35–36.

³⁸ См.: *Победоносцев К.П.* Указ. соч. С. 197–198.

³⁹ См.: *Скловский К.И.* Указ. соч. С. 208–210.

– распространение вещно-правовых механизмов защиты прав собственника (приобретателя) данного объекта от посягательств всех иных лиц. При этом следует отметить, что в ГК нормы о предоставлении вещно-правовых мер защиты сформулированы императивно;

– отсутствие учета интересов потребителей электроэнергии, поскольку действующая модель продиктована исключительно экономической целесообразностью и не принимает во внимание социальных аспектов энергоснабжения. Передача в собственность товара позволяет минимизировать ответственность продавца перед потребителем. Подобная схема применялась и в иных сферах, например в сфере туристической деятельности, на что указывалось ранее.

Можно сказать, что действующий механизм реализации электроэнергии (основанный на предоставлении вещных прав на электроэнергию) противоречит интересам потребителей электроэнергии. Несложно заметить, что установление права собственности преследует цель устранения ответственности энергоснабжающей организации в рамках длящегося правоотношения по энергоснабжению, которая и без того носит ограниченный характер (ст. 547 ГК). При том что ограничения права собственности в данной ситуации носят не юридический, а фактический характер⁴⁰. Складывается ситуация, когда потребителю предоставляется вещное право собственности, которое ему в принципе не нужно (поскольку он в принципе не может реализовать свои правомочия собственника) и передача которого в принципе не входит в каузу договора, исходя из существа правоотношения по электроснабжению. Все это дает основание для весьма ограниченных форм ответственности энергоснабжающей организации.

Указанный механизм (в котором изменена кауза договора энергоснабжения) качественно изменяет природу договора на реализацию электроэнергии: из длящегося правоотношения, развивающегося по модели договора оказания услуг, где основное внимание уделяется действиям энергоснабжающей организации по снабжению потребителей электроэнергией, данный договор трансформируется в товарный, реализационный договор, где основное внимание приковано к передаче права собственности на некий товар (который при этом имеет фикционный характер).

При этом он явно смещает центр тяжести договорных отношений на вещный купли-продажи и в конечном счете связанную с ним обязанность покупателя по оплате электроэнергии. Вместо того чтобы защищать интересы потребителей, создавать гарантии надежного и бесперебойного электроснабжения, законодатель основное количество норм об ответственности сторон договора энергоснабжения посвящает порядку введения штрафных

⁴⁰ См.: *Свириков С.А.* Договорные обязательства в электроэнергетике. М.: Статут, 2006. С. 52.

санкций в отношении потребителей. При этом какие-либо четкие правила об ответственности энергосбытовых компаний, гарантирующих поставщиков, сетевых организаций на сегодня практически вообще отсутствуют. Нормы об ответственности энергоснабжающей организации сформулированы обрывочно, неструктурированно, кратко и в основном декларативно. Так, Правилами розничных рынков предусматриваются лишь следующие случаи наступления ответственности для гарантирующего поставщика:

- при нарушении инфраструктурными организациями обязанности по оказанию потребителю услуг, неразрывно связанных с процессом электроснабжения;
- за надежность снабжения потребителя электрической энергией и ее качество;
- за необоснованное введение ограничения режима потребления электрической энергии (п. 181 Правил розничных рынков).

Правоотношения собственности и по энергоснабжению являются **длящимися**, однако качественно различными по своей природе и своему содержанию. В первом случае имеет место абсолютное правоотношение, в котором субъекту противопоставлен объект, само правоотношение предполагает наличие юридической связи между ними. Традиционным считается также характерное для абсолютного правоотношения наличие неограниченного количества субъектов, для которых установлена пассивная обязанность (воздержаться от нарушения права собственности).

Правоотношение по энергоснабжению является обязательственным, предполагает присутствие в нем как минимум двух субъектов, наделенных взаимными правами и обязанностями. Вещный эффект купли-продажи в данном правоотношении отсутствует: отношения по передаче права собственности на товар просто не возникает. Классическое представление о том, что вещные правоотношения фиксируют статику гражданского оборота, а обязательственные – его динамику, хорошо иллюстрирует данный вывод. Дело в том, что электроэнергия, будучи по своей природе динамическим объектом прав, в статике вообще не существует. Как будет показано далее, сделки по «отчуждению» электроэнергии носят по сути финансовый характер и не предполагают фактической передачи определенного товара, выступают лишь **правовым способом оформления технологического процесса электроснабжения**, при этом, к сожалению, не самым удачным способом.

В связи с чем установление в специальном законодательстве об электроэнергетике фиктивного товарного режима для электроэнергии (позволяющего рассматривать электроэнергию в качестве объекта права собственности) очевидным образом вступает в противоречие с нормами ГК о праве собственности. Более того, анализ оборота электроэнергии позволяет утверждать, что абсолютных правоотношений в нем вообще не возникает.

Право собственности на электроэнергию в принципе лишено смысла. Отношения энергоснабжения во многом развиваются по модели договора возмездного оказания услуг, являются длящимися, о чем в частности свидетельствует отнесение в законодательстве снабжения бытового потребителя к договорному типу возмездного оказания услуг. В связи с чем договор энергоснабжения не подразумевает совершения единичных сделок по перенесению права собственности на определенные объемы электроэнергии с продавца на покупателя, хотя бы потому, что дискретное выделение подобных объемов в принципе невозможно.

Следует отметить, что в действующем российском законодательстве специфика длящихся обязательств практически не выделяется. Тогда как в Германии регламентация подобных обязательств (к которым традиционно относят энергоснабжение⁴¹) связана с установлением специальных правил, касающихся их расторжения (§ 314 ГГУ).

Рассмотренное в предыдущем параграфе работы представление о действиях как об особом динамическом объекте правоотношения имеет важное значение при квалификации электроэнергии как объекта права. Данная мысль весьма отчетливо выражена в работе Я.М. Магазинера⁴². Так, этот автор выделял две функциональные роли действий в правоотношении: по его мнению, они составляют содержание правоотношения, но также в ряде случаев являются его объектом. Вместе с тем экономический критерий разграничения двух форм действий, предлагаемый профессором Магазинером, выглядит несколько неубедительно. Ведь по сути, работы и услуги также обладают несомненной экономической ценностью.

Однако принципиально важным видится то, что Я.М. Магазинер относит электроэнергию к категории действий и при этом ставит ее в один ряд с такими явлениями, как действия людей, труд, работа животных⁴³. Действительно, с физической точки зрения электроэнергия представляет собой именно действие, то есть является в чистом виде динамическим объектом.

При этом если действие, по Я.М. Магазинеру, есть волевой акт, то понимание электроэнергии как действия нуждается в некотором уточнении.

Электричество – это действие, производимое не человеком, а материей, познаваемое как результат взаимодействия различных материальных объектов. В связи с чем электроэнергия должна восприниматься как *действие второго порядка*, поскольку данное действие в отношении определенных материальных объектов обеспечивается не человеком, а другими

⁴¹ См.: Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П.Г. Лахно. М.: Издательская группа «Юрист», 2011. С. 811–812.

⁴² См.: Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / отв. ред. проф. А.К. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 234.

⁴³ Там же. С. 234.

материальными объектами. Указанная тенденция, когда материальные объекты обнаруживают некоторую самостоятельность в процессе материального производства, активно обсуждается в философии техники⁴⁴.

Подобная квалификация электроэнергии (в качестве динамического объекта) позволяет увидеть, что электроэнергия обладает существенной спецификой, отделяющей её от материальных объектов. Становится ясно, что в правоотношении по энергоснабжению материальный объект (на который может устанавливаться право собственности) вообще отсутствует. Поскольку право собственности на действие невозможно, договор энергоснабжения должен конструироваться по модели, отличной от купли-продажи. Таким образом, право собственности в принципе не является подходящим инструментом для отношений по энергоснабжению, в связи с чем они нуждаются в выработке специального правового инструментария.

Материал поступил в редакцию 2 августа 2012 года.

⁴⁴ Так, В.С. Степин отмечает: «Подобная передача человеческих функций механизмам приводит к новому представлению о силах природы. Раньше силы понимались только по аналогии с физическими усилиями человека, а теперь начинают рассматриваться как механические силы». См.: *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996.